

24. Никитченко А. Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] <http://regnum.ru/news/economy/2087555.html> (Дата доступа - 2.03.2016).
25. Дружинин А. Г. Геодемографические детерминанты этнокультурного диалога в центрo-периферийной системе современной России // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 1 (8). С. 3–14.
26. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2014. ЦИИ ЕАБР, 2014. 44 с.
27. Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.
28. Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
29. Ибрагимов А. Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 18–27.
30. Anıl Çeçen, Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
31. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Издательство Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, 2014. 536 с.
32. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 592 с.
33. Менделеев Д. И. К познанию России. СПб. Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.
34. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933. София. Изд. «За Россию», 1934. 78 с.

УДК 913

Ю. Н. Гладкий¹
Yu. N. Gladky

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В «ЭПОХУ СТАГФЛЯЦИИ»: ПОИСКИ ИМПУЛЬСОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

RUSSIAN REGIONS IN «THE ERA OF STAGFLATION»: SEARCHING FOR PULSES OF THE DEVELOPMENT

Показано, что в условиях присущего современной России олигархического капитализма возможности государственной региональной политики минимизированы; стагфляция в ещё большей мере лимитирует процесс регионального накопления, ставя в наиболее сложное

¹ **Гладкий Юрий Никифорович**, доктор географических наук, профессор, Член-корреспондент Российской академии образования (РАО), заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

положение как регионы с низкой стоимостью основных фондов, так и подавляющую часть структур местного самоуправления.

It is shown that in the conditions of the state regional policy opportunities oligarchic capitalism inherent in modern Russia are minimized; Stagflation in even greater measure limits the process of regional accumulation, putting in the most difficult position as the regions with the lowest cost of fixed assets, as well as the overwhelming majority of local government structures.

Ключевые слова: регион, Россия, стагфляция, развитие.

Keywords: region, Russia, stagflation, development.

Сложившаяся экономическая ситуация в стране характеризуется стагнацией, рецессией и инфляцией, сочетание которых и порождает процесс, обозначаемый термином «стагфляция». Признаки последней – спад производства и товарооборота, рост безработицы, снижение потребительской активности россиян и т. д. В подобных условиях возможности экономического роста регионов ограничены объективными причинами. Ситуация требует новых нестандартных решений с учетом внешних факторов [1 и др.], подталкивающих экономику к переходу к той «неуглеводородной» модели роста, которая уже давно предлагалась здравомыслящей частью экономического сообщества, став «притчей во языцех». Необходима политика форсированных инвестиций – бюджетных и корпоративных, попытки проведения которой в абсолютном большинстве субъектов РФ наталкиваются на трудно преодолимые преграды, и, прежде всего, – на непомерную банковскую ставку.

Планы на растущий приток инвестиций (в частности, иностранных), с которыми в последние годы связывали свои надежды, прежде всего, наиболее успешные российские регионы, сегодня, к сожалению, рушатся, в том числе из-за экономических санкций. Произошло снижение котировок на фондовом рынке, что, в свою очередь, связано с тем, что около 70% российского фондового рынка принадлежит иностранному инвестору. Угрозы США и ЕС введением санкций против российских банков, замораживанием счетов российских частных инвесторов и государственных компаний – все это создает дополнительные трудности как для страны в целом, так и отдельных регионов, пытающихся встроиться в систему мирохозяйственных связей.

Макроэкономическая оценка ситуации в стране, казалось бы, выходит за рамки заявленной проблемы, однако поиски импульсов регионального развития не только ей не чужды, но и настоятельно требуют выявления возможностей для перехода к новой, более устойчивой модели роста. Те же последствия экономических санкций примерно в равной мере испытывают практически все регионы России, но в случае гипотетически возможного их усиления (вплоть до экономической блокады) степень *уязвимости* территорий окажется весьма различной, в частности, в зависимости от состояния регионального механизма накопления, нехватки некоторых стратегических ресурсов, лекарств, комплектующих изделий и т. д.

В условиях кооперативной модели бюджетного федерализма и становления рыночных отношений «паллиативного» типа процесс регионального накопления в нынешних условиях представляется исключительно важным, поскольку благодаря ему создается потенциал роста. Под ним (региональным накоплением) понимается, во-первых, аккумуляция определенной части денежных средств (прибавочного продукта), которая идет преимущественно на финансирование капитальных работ. Имеются в виду накопления, образующиеся в результате сбыта продукции (как в пределах региона, так и за его пределами), ввоза инвестиций, накопления отчислений из федеральных трансфертов, взимания местных налогов, банковской деятельности и т. д.

Во-вторых, процесс регионального накопления ассоциируется с вводом в строй новых или реконструкцией старых производственных фондов. Этот механизм во многом ассоциируется с аккумуляцией денежных средств, но имеет свою неустранимую специфику. Создание новых производственных фондов способствует удовлетворению местного потребительского спроса, созданию новых рабочих мест для местного населения, вовлечению в хозяйственный оборот природно-ресурсного потенциала и т. д. [2]. Однако существует немаловажное обстоятельство, которое ни в коем случае нельзя упускать из виду – это вопрос о *правах собственности на территории субъектов Федерации*.

Для многих региональных экономик вопрос о собственности основных фондов приобретает сегодня почти «марксистское» звучание. Не будем голословными: к примеру, в Красноярском крае 84,1% предприятий – частная собственность *внешних собственников*, находящихся вне контуров региона. Весь крупный бизнес в крае контролируется национальными корпорациями, базирующимися почти полностью в столице РФ. Так, компания «Базовый элемент» контролирует активы в цветной металлургии – Красноярский алюминиевый завод; РУСАЛ – Ачинский глиноземный комбинат. Среди других национальных компаний, владеющих крупными производственными краевыми активами, группа «МДМ-СУЭК» (угольные разрезы Бородинский, Назаровский, Березовский), корпорация по атомной энергии «Росатом» (ОАО ПО «Электрохимический завод»), НК «Роснефть» (Ванкорское нефтяное месторождение, Юрубчено-Тохомская нефтегазоконденсатная группа месторождений, Агале-евское газовое месторождение, Ачинский НПЗ).

Контроль внешних собственников над основными активами региональных предприятий – привычная картина для многих субъектов Федерации. А ведь речь идет ни много, ни мало – о присвоении (при полном соблюдении законодательства!) «львиной доли» ренты от общественных ресурсов узкой группой высших менеджеров-инсайдеров, для которых интересы региона, как правило, не стоят в «повестке дня. На местах возникает вполне правомерный вопрос: кому принадлежит регион, если основная рента от природных ресурсов на своей территории практически не поступает в региональный бюджет и часто минует даже федеральный? (Наибольшую долю региональные предпри-

ятия в Красноярском крае составляют в сельском хозяйстве, оптовой и розничной торговле, строительстве, обрабатывающей промышленности, но они не в состоянии составить конкуренцию вышеупомянутым предприятиям с точки зрения получаемого дохода).

В этой связи замечание глубоко уважаемой нами Н. В. Зубаревич о том, что «Развитие регионов в основном определяется их конкурентными преимуществами (ресурсами, географическим положением, агломерационным эффектом, человеческим капиталом), а не региональной политикой государства» [3] – справедливо в отношении страны, исповедующей классическую рыночную модель развития, а не квазирыночного государства, коррупционный рынок которого оценивается примерно в 300 млрд. долл. ежегодно и где доля государственного сектора в экономике (по данным Минэкономразвития) все еще составляет почти 50%.

История событий хорошо известна: образование в 90-е годы известных столичных финансовых империй и сращивание их с «головкой» госаппарата привело к легкому захвату всех основных эксклюзивных прав и квот на сверхприбыльные операции в пределах сырьевой периферии. Конкурентное преимущество таких регионов нередко обеспечивалось государственным участием в капитале, что подвигало частный бизнес к установлению неформальных (читай: коррумпированных) отношений частного бизнеса с представителями органов власти. Ожидать от подобных бизнес-структур придания импульсов местным региональным проектам было бы наивно.

Кстати, у законопослушных региональных элит вызывают явное недовольство отдельные статьи Бюджетного кодекса РФ, которые трактуют порядок зачисления налоговых доходов в бюджеты регионов от добычи природных ресурсов. Никто не возражает, когда речь идет, например, о налоге на добычу так называемых «общераспространенных» полезных ископаемых, о сборах за пользование объектами водных биологических ресурсов, объектами животного мира и т. д., как не наблюдается «бурления» в регионах и по поводу зачисления в их бюджеты доходов от налога на имущество организаций, транспортного налога, «алкогольного», налога от акцизов на автомобильный бензин, прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей и прочих, как считают на местах, «мелочей».

Случается, правда, в Кодекс вносятся коррективы, с удовлетворением воспринимаемые регионами, разумеется, не без жесткой борьбы «кровно» заинтересованных сторон. Так, действие абзаца пятнадцатого пункта 2 статьи 56 Кодекса в части зачисления в федеральный бюджет и бюджет Магаданской области налоговых доходов от налога на добычу полезных ископаемых, уплаченного с коэффициентом 0,6 участниками Особой экономической зоны в Магаданской области в отношении полезных ископаемых, добытых на участках недр, расположенных полностью или частично на территории Магаданской

области – теперь подлежат зачислению в бюджет Магаданской области по нормативу 100 процентов. Увы, срок действия этой коррективы – всего лишь 1 год [4].

Однако тот самый «дьявол», отнимающий импульсы для развития многих российских регионов, спрятан между строк (притом, в скобках) в статье, устанавливающей порядок зачисления налоговых доходов в бюджеты регионов при добыче полезных ископаемых: «за исключением полезных ископаемых в виде углеводородного сырья...» [4]. В течение многих лет система налогообложения в нефтяной отрасли действовала таким образом, что «сверхприбыль» распределялась между государством и компаниями в соотношении примерно 50/50 (затем 45/55 и т. д.)

В данном случае речь идет об усеченных возможностях государственной региональной политики из-за монопольных позиций олигархического (а не государственного!) капитализма, в результате чего существенная часть нефтяных доходов в предыдущие годы утекла в оффшоры и не была инвестирована в национальную экономику. Напомним «хрестоматийный» факт, что в рыночной Норвегии нефть давно объявлена достоянием всего населения, а нефтяные доходы направлены в Фонд Всеобщего Благоденствия и на социальные программы, включая отчисления на личный счет каждого норвежца (более 100 тыс. долл. в расчете на каждого жителя). Подобная практика существует и у стран Персидского залива.

Автор отдает себе отчет в том, что опыт указанных стран в отечественных условиях не вполне приемлем, как не бредит и «реинкарнацией» социалистической собственности. Но напомним тривиальные вещи, связанные с собственностью на недра. В Федеральном законе «О недрах» прописано, что «Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» [5].

Увы, эти авторитетные документы проливают недостаточно света на права российских граждан на недра своей земли, поскольку доходы от добычи углеводородов и других полезных ископаемых распределяются между государством и добывающими компаниями. И даже при формальном сохранении права собственности на недра за государством, их реальными хозяевами давно стали *недропользователи* – добывающие компании, штаб-квартиры которых находятся далеко за пределами регионов. Нетрудно видеть, что в процессе накопления «*регионального капитала*» и реализации *региональных* проектов в масштабе всей России такие недропользователи практически не участвуют. Между тем, даже весьма ответственные официальные лица в своих выступлениях подчеркивают, что недра остаются собственностью российского народа.

Время от времени весьма ответственные лица пытаются принципиально изменить концепцию правоотношений в области изучения и использования недр, предлагая реформированный проект Федерального закона «О недрах», в котором бы право государственной собственности на недра была ликвидирована. Нетрудно видеть, куда ведет подобная инициатива. Сакраментальный вопрос о соотношении государства и рынка в России не дает покоя тем деятелям, которые не отдают себе отчет в том, на чем зиждется сам российский федерализм и как держаться на «плаву» десяткам субъектов Федерации, которые еще долго не смогут выдерживать рыночной конкуренции. (Здесь напрашивается отдаленная аналогия с известным выражением академика В. В. Ивантера: «Либерализм есть результат благополучия, а не его условие»).

Конечно, госсектор, с его противоречивой системой бюджетного планирования, многими порицаемым механизмом приватизации и отношений с другими хозяйствующими субъектами, в долгосрочной перспективе утратит свои позиции, но его роль в региональной политике государства будет оставаться ощутимой еще долгие годы. И даже если региональные проекты реализуются сегодня на основе частно-государственного партнерства (в т. ч. многие ФЦП, транспортное строительство и пр.), «указующий перст» все равно сохраняет нерыночную природу.

Возможности интенсификации процесса регионального накопления в условиях стагфляции оказались еще более сужеными, чем раньше, вследствие сокращения внутреннего спроса (снижения оборота оптовой и розничной торговли) и исчерпания возможностей по наращиванию физического объема экспорта. Особенно в тяжелом положении оказались регионы, отличающиеся низкой стоимостью основных фондов.

Что касается регионов, имеющих мало шансов на получение полноправного статуса «агент свободного рынка», то здесь уместно следующее замечание. После распада СССР стоимость основных фондов по регионам являла собой резко диссонансную картину, и не скрываемое желание наиболее обеспеченных из них самостоятельно двигаться в рыночную «даль» вызвало естественное сопротивление «обездоленных» регионов, поскольку накопленные фонды создавались сообща, благодаря существовавшим формам бюджетного механизма. Региональные элиты оказались далеки от понимания необходимости перехода к модели так называемого «*субсидиарного государства*», которое обеспечивало бы перераспределение социальных расходов в пользу отставших в развитии субъектов Федерации и самых уязвимых слоев населения. Возникший конфликт между *аллокационным* (*аллокация* в экономической теории – система распределения недостаточных ресурсов в зависимости от стоящих целей) и распределительными подходами в региональной политике – неизбежная «болезнь» практически всех государств, осуществляющих рыночный поворот после десятилетий строительства социалистической экономики. Это следствие долголетнего формирования территориальной структуры без учета фактора

налогового самообеспечения территорий. Можно утверждать, что такой конфликт до сих пор определяет наиболее сложные и трудно устранимые коллизии бюджетного федерализма в РФ.

Причины растущего межрегионального неравенства в нынешней России во многом связываются не столько с советским социально-экономическим наследием, сколько с *рентной* причиной различий в величине доходов. В одних случаях речь идет о ресурсной ренте крупнейших агломераций (по П. Кругману, факторе «*второй природы*» – агломерационный эффект, человеческий капитал, институты), нередко обладающих столичным статусом (как Москва и, в гораздо меньшей степени, Санкт-Петербург), по разному материализующих имеющиеся преимущества в зависимости от факторов, влияющих на их институциональную среду. В высокоразвитых странах рыночной экономики агломерационный эффект обычно приводит к концентрации самых разнообразных функций, распространению инновационных технологий, развитию конкуренции между экономическими агентами. В других же странах, отличающихся сверхцентрализованной системой управления и сверхконцентрацией в столицах крупнейших компаний (как в Москве), традиционные преимущества агломерационного эффекта дополняются незаработанными доходами, «паразитическим» капиталом, объем которого сопоставим с агломерационным эффектом, а также колоссальным притоком мигрантов [6, 7, 8, 9].

В других же случаях речь идет о факторе «*первой природы*», поскольку некоторые регионы РФ «более пригодны и удобны для производства и торговли из-за своих природных и географических преимуществ и, соответственно, более развиты и богаты. Но такого простого объяснения недостаточно. Крупные агломерации, столицы и торгово-финансовые центры, возможно, когда-то и обладали природно-географическими преимуществами, но их процветание давно уже зависит не от них, а от экономических факторов «второй природы», действие которых описывает современная экономическая география» – отмечает новосибирский экономист [10, с. 155].

Заметим, эти географические по своей сути «детали» до сих пор «ускользали» не только от взыскательного взгляда географов, но и экономистов-регионалистов, не уделявших должное внимание территориальным аспектам экономической действительности, поскольку больше оперировали понятиями совершенной конкуренции и постоянной отдачи от масштаба, с помощью которых невозможно было объяснить размещение производства, населения, услуг и т. д. [11].

В «нормальной» рыночной среде многие импульсы для развития регионов должны были бы исходить из «недр» *местного самоуправления*, однако последнее к подобным инициативам явно не готово. В условиях российской государственности, несмотря на многие не достаточно четко прописанные пункты Конституции (особенно по части предмета «совместного ведения»), разграничение компетенции между Федеральным центром и субъектами Федерации

можно считать более или менее внятным. Совсем иначе обстоит дело с органами местного самоуправления.

Слепое заимствование чужих документов, их перевод на русский язык и «тупое» ожидание положительного эффекта давно уже стало своеобразной модой на Руси. Ельцинским реформаторам хотелось соответствовать стандартам западной демократии (которые и для самого Запада подчас вовсе не обязательны!), но складывается впечатление, что *Европейскую Хартию местного самоуправления* модифицировали люди, которые за границу знали лучше, чем историю и географию России. К тому же, нет такого, апробированного за рубежом документа, который в условиях российской действительности не стал бы трактоваться «несколько иначе».

Все желают одного – чтобы местное самоуправление было политически и экономически автономным, чтобы органы МСУ могли осуществлять свою деятельность (в пределах закона) независимо от контроля со стороны вышестоящих органов управления. Однако существует масса лимитирующих факторов, не позволяющих надеяться на быструю «муниципальную революцию» в России. Успешное функционирование института МСУ теснейшим образом коррелируется с уровнем доходов населения, криминогенной обстановкой, инвестиционными рисками, клановостью на местах и т. п. Главные источники собственных доходов муниципальных образований – единый налог, взимаемый по упрощенной системе, и налог на имущество физических лиц, особенно плохо собираемый. Это «крохи», которые не позволяют МО освободиться муниципалитетам от финансовой зависимости от исполнительной власти. И даже то, что в некоторых субъектах Федерации муниципалитеты частично оставляют себе налог на доходы физических лиц, земельный налог и налог на имущество предприятий, – картину принципиально не меняет. Муниципальные образования в России неопределенно долго будут сидеть на бюджетной «игле», а это означает одно – в условиях нашей страны МСУ еще долго будет представлять собой сугубо административный, а не политический институт. В условиях же экономического кризиса дискуссия о судьбе местного самоуправления вообще преждевременна.

Экспертное обсуждение в последние годы положений законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», а также подготовленного Институтом приоритетных региональных проектов аналитического документа «Новый формат местного самоуправления: некоторые подходы к реформе экономической модели» ни к чему не привело. Если по политической и институциональной частям законопроекта консенсус находить удавалось, то по экономической части, касающейся наделения территорий финансовой самостоятельностью и функционалом развития, согласия достичь не удастся. И это не удивительно, поскольку самонадеянные авторы реформы местного самоуправления «покушаются на «святое», предлагая создавать стимулы для развития муниципальных образований, оставив на местах поступления

от налогов на бизнес и увеличив отчисления по НДФЛ (налог на доходы физических лиц).

До последнего времени в РФ муниципальные образования остаются полностью зависимыми от «уравнилельно-распределительной» межбюджетной системы, которая приводит к общему знаменателю городские и сельские территории, обеспеченные и нуждающиеся, с разными источниками доходов. Консолидированный бюджет муниципальных образований страны за 2013 г. в общем виде выглядел следующим образом: 42,7% – налоговые поступления, остающиеся на территории; 11,2% – неналоговые поступления (платежи за аренду муниципальной собственности, земли, прибыль муниципальных предприятий, проценты от денежных вкладов); 46,1% – безвозмездные поступления от межбюджетных трансфертов (в основном, субсидии, спускающиеся сверху в регион и федеральный бюджет) [12, с. 43.]. Нетрудно видеть, что «пасынками» в такой системе остаются сельские территории; им достаются «крохи».

Существует еще один аспект реформы МСУ, который, к сожалению, игнорируют власти, и он – сугубо *географического* свойства: в России должны существовать *разные модели организации местного самоуправления для разных территорий*, обладающих природной, политической, общественной, экономической спецификой; это – императив, но предмет специального исследования.

В заключение, заметим: ситуация с поиском импульсов для развития усугубляется отсутствием в стране *федеральной программы развития регионов*, которую не в состоянии заменить несколько сотен различных программ, концепций и стратегий ведомств. Некоторые авторы (В. Шамахов, 2015) справедливо полагают, что в регионах целесообразнее руководствоваться не стратегиями, а программами развития, в которых четко должны обозначаться цели, целевые индикаторы и ресурсное обеспечение. К тому же, на уровне большинства регионов пока нет специалистов, которые могли бы оперировать категориями стратегирования.

Литература

1. Дружинин А. Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.
2. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб: изд. Михайлова В. А., 1998. 639 с.
3. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // «ЭКО». 2014. № 4. С. 7–27.
4. Бюджетный Кодекс Российской Федерации (с учетом поправок, имеющих силу Федеральных законов).
5. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 (Статья 1.2. Собственность на недра).
6. Гладкий Ю. Н. Импортзамещение и конкурентоспособность российской экономики: к диалектике взаимосвязей // Общество – Среда – Развитие. 2014. № 3. С. 162–169.

7. Гладкий Ю. Н. К вопросу об оптимизации межрегиональных пропорций в России: опасный разброс мнений // Социально-экономическая география / Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 41–50.
8. Гладкий Ю. Н. Роль ренты столичного статуса в усилении межрегионального неравенства // Вестник ЗабГУ. 2014. № 10. С. 106–115.
9. Gladkiy Yu. N. Moscow in the Mirror the Regional Pathologies // Donish Journal of Geography and Regional Planning. – An international online, open access and peer reviewed journal). - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://donnishjournals.org/djgrp/pdf/2015/august,5>.
10. Мишура А. В. Ресурсная рента и межрегиональное неравенство в России // Экономика и организация промышленного производства. 2011. № 5. С. 155–167.
11. Combes P. P., Mayer T. and Thisse J-F. Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton University, 2008. 416 pp.
12. Скоробогатый П. Это все мое, родное // Эксперт. № 18–19 (897)/ 28 апр. 2014.

УДК 911.3.001

В. Н. Калуцков¹
V. Kalutskov

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

POST-SOVIET SPACE AS A SOCIO-GEOGRAPHIC PHENOMENON

Постсоветское пространство представляет собой динамичный и плохо изученный общественно-географический феномен. В политико-географическом отношении, Ближнее Зарубежье – еще не оформившийся макрорегион; одной из его важных характеристик можно считать наличие непризнанных государств. В странах Ближнего Зарубежья происходит трансформация культурного пространства – изменился годовой календарь и связанная с ним система государственных праздников, переименованы города и городские улицы, активно меняется система памятников.

The post-Soviet space is a dynamic and poorly studied socio-geographic phenomenon. The political and geographically post-Soviet space is not yet taken shape macro-region. One of its important characteristics can be considered as a significant amount of unrecognized states. In the post-Soviet countries took a strong transformation of cultural space – changed yearly calendar and the associated system of public holidays, renamed cities and city streets, the system of monuments actively changing.

Ключевые слова: постсоветское пространство, непризнанные государства, геокультурный процесс, геоконцепт, Средняя Азия, Туркестан, Закавказье.

¹ **Калуцков Владимир Николаевич**, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.